

НА ЗЕМЛЕ ТАМИЛОВ

В. МАКАРЕНКО

ПРИГОРОД большого шумного Мадраса — «первого города Юга», как его часто называют в Индии, — незаметно сливается с деревней. Те же крытые рисовой соломой или тростником крыши и глинобитные стены, те же «священные» коровы с отзислыми тощими боками, те же торговцы овощами и бетелем, расположившиеся там и сям вдоль дороги. У колодцев стайки женщин с пузатыми медными кувшинами из голосе, голые темнокожие ребятишки, увлеченные незатейливой игрой, визгливые собаки, устремляющиеся за каждой машиной. На обочине местный цирюльник бреет и стрижет на открытом воздухе односельчан. Клиент и парикмахер сидят на корточках друг перед другом, и клиент сам держит видевшее виды зеркало. Жара невыносимая. В полдень даже крики неугомонных детей не в состоянии нарушить атмосферу тягостной сонливости. Кажется, что выжженные солнцем соломенные крыши приземистых домишек придавлены томящим зноем. Такой предстала передо мной современная индийская деревня.

В деревнях Индии живет почти две трети населения огромной страны. Нелегко достается хлеб насущный индийскому землепашцу. «В течение поколений нес он тяжелое, постоянно растущее бремя налогов и процентов, — писал индийский экономист К. Д. Малавия, — его били, отнимали землю и выгоняли из жалкой глиняной хижины. Со всех сторон его подстерегали лихоимцы — крупные землевладельцы, торговцы, ростовщики, полиция. Слово выучное животное, тянул он лямку зимой и летом, днем и ночью — а потом у него обманом отбирали урожай. Его пот обогащал других, ему доставались лишь проклятия и пинки, его вечно мучил голод».

Впервые сдвиг в положении индийского крестьянства наметился после завоевания независимости. Пусть изменения еще не очень значительны, пусть это только первые приметы нового, но они есть, и за ними — будущее, светлое завтра трудолюбивого народа.

Наш путь из Мадраса на юг пролегал по населенным тамиллами округам Чинглепут, Южный Аркот, Тиручирапалли, через утопающие в зелени южные деревни. Что изменилось здесь за последние полтора десятилетия? Каждая остановка, беседа с индийцами, осмотр деревень давали нам новую пищу для раздумий и обобщений.

Приезд чужестранцев в индийскую деревню — не такое уж обыденное дело. Отовсюду сбегается детвора. Смуглые детишки как из пулемета строчат по-тамилски, лукаво оглядывая незнакомцев. Женщины, придерживая малышей на бедре (так обыч-

но носят детей индийские матери), тоже поглядывают с любопытством, хотя и прикрывают лица уголком сари. Мужчины чинно держатся поодаль. Но традиционное индийское гостеприимство берет верх. К нам подходит старый брахман, и беседа завязывается. Землю в этой деревне крестьяне обрабатывают на правах взаимной помощи. Они выравнивали границы участков, уменьшили чересполосицу; легче стало проводить полевые работы. Общими усилиями вырыли новый колодец, и каждая семья поочередно пользуется им, орошая свое рисовое поле. У крестьян есть кооператив по изготовлению и продаже циновок. На вырученные деньги в Мадрасе приобретаются удобрения. Три урожая риса собирают здесь ежегодно, но зерна хватает лишь на то, чтобы сводить концы с концами. «Земли бы нам еще!» — не сказал, а скорее помечтал вслух старик.

Земли действительно маловато — по 1,5—2 гектара на семью. К тому же часть крестьян — всего лишь арендаторы, хотя платят не помещику, а правительству штата. Аграрная реформа установила максимум землевладения в 20—25 гектаров. Все излишки должны были быть переданы за выкуп крестьянам. Но паттадары (помещики) — а им принадлежало 30 процентов всех земель бывшей Мадрасской провинции — начали ловчить, переписывать свои участки на имя родственников и несовершеннолетних детей, утаив таким образом солидную толику земли. Реформа несколько улучшила положение арендаторов, у которых до независимости не было никаких прав. Некоторые из них теперь получили собственные наделы.

Здесь мы узнали и еще об одном новшестве. За годы независимости заметно повысилась культура земледелия. Большая заслуга в этом принадлежит государственному показательным фермам и институтам. В частности, одна из таких ферм под Мадрасом настойчиво внедряет «японский метод» выращивания риса, предусматривающий перекрестную многократную вспашку и гнездовой посев семян. Это дает повышение урожая до 25 процентов.

Бегут за окном нескончаемые поля поспевающего риса, напоминающие по виду узорный ковер. В озерцах у дороги надежные помощники крестьян — черные буйволы отлеживаются в жару в воде по самые рога, мелькают кокосовые, арековые и пальмировые пальмы, баньяновые деревья, развесистые кроны хлебного дерева — джанка. А вот и железный соперник буйволов — советский трактор «Беларусь».

Наш шофер — молодой тамил по имени Бабулал ведет машину с искусством, достойным всяческого восхищения. Трудно понять, как он при ско-

рости 45—50 миль (около 80 километров) в час ухитряется лавировать среди флегматичных коров, мирно жующих жвачку на самой середине шоссе, развезаться с не признающими никаких правил движения велосипедистами, не задев при этом крестьян, несущих на голове огромные связки бананов. «Вот в этой деревне мы и перекусим, — сказал сопровождающий нас г-н Чоккалингам. — Здесь большой базар».

Базар расположился в самом центре деревни по теневой стороне улицы. Длинные шесты со связками очень дешевых по нашим понятиям бананов (продают их огромными желтыми и зелеными гроздьями), горки крупных плодов хлебного дерева, кардамон, арахис, кокосовые орехи, ананасы, ванглия (лук, несколько отличный от нашего), дал (разновидность чечевицы), баклажаны, имбирь, шафран, готовые национальные кушанья — все можно приобрести тут. Овощи и фрукты крупные, яркие, но, как мне показалось, не такие вкусные, как наши. Говорят, что и витаминов в них меньше, чем в овощах и фруктах умеренного пояса. Рядом в доме-лавочке (не поймешь, где кончается прилавок и начинается кровать хозяина) есть прохладительные напитки — «тоник» и местная «кока-кола», правда довольно теплые, так как холодильник лавочник, конечно, не имеет. Когда смотришь на этот базар, создается впечатление, что все продают и никто не покупает.

Нам давно хотелось заглянуть в крестьянский дом, и здесь эта возможность представилась. Чоккалингам пошептался с тамилем, внимательно изучавшим газету, и тот пригласил нас к себе. Дом с покосившимися глинобитными стенами состоит из одной комнаты. В углу небольшая глиняная печь — не для отопления, разумеется, а чтобы готовить пищу; топливом служит высушенный коровий помет. На утрамбованном земляном полу рисовая солома. Связки соломы служат и постелью, но это не значит, что у этого крестьянина нет кровати. Она стоит на плоской крыше домика, где тамилы проводят много времени после захода солнца, а часто и спят.

Пожилая тамилка налила масло в лампу. «Раньше бы вас никогда не пустили в дом индуса с неэтикетированной женской половиной», — заметил сопровождающий. Все больше и больше индийцев перестает считаться с ортодоксальными законами религии и кастовыми предрассудками. Правительство уже приняло ряд законодательных актов для ликвидации несправедливого разделения общества на касты, узаконенной веками дискриминации, и это заметно улучшило положение «неприкасаемых» — одной из самых низших каст. Выходцев из этой касты можно встретить теперь даже в парламенте республики. Получили законные права национальные языки. На них ведется преподавание в школе.

Снова усаживаемся в машину, но через несколько миль сворачиваем с шоссе. Чоккалингам пригласил нас сюрприз: привез нас на свадьбу к своим дальним родственникам. «Вы мои гости, а значит, и гости новобрачных», — сказал он.

Под просторным навесом — не менее сотни человек. Каждый, кто имеет хотя бы какое-то отношение к сочетающимся браком или их родственникам, приходит без всякого приглашения. Свадьба — довольно дорогое удовольствие: не говоря уже о приданом, нужно в течение нескольких дней кормить и поить многочисленных гостей, платить брахману, отправляющему религиозные обряды. К счастью, жениху и его отцу отец невесты платит те-

перь лишь символический выкуп (одну рупию), а раньше это также была разорительная статья расходов.

Новообрачные торжества сначала и не видно в толпе. Но Чоккалингам решительно прокладывает нам дорогу через нестройные ряды родни, знакомит с родителями, а затем с самими женихом и невестой. Новообрачные сидели на небольшом возвышении друг подле друга. Вид у них был чрезвычайно усталый, они безразличным взглядом посматривали на пришедших повеселиться. Чоккалингам пояснил, что молодые сидят, не вставая, с самого утра. До нынешнего дня они не видели и не знали друг друга. Обо всем договорились родители. «Им еще повезло, — продолжает наш спутник, — когда я женился, мы с женой сидели так почти три дня, а мои родители — целую неделю! Правда, теперь все меньше молодых людей женятся только по родительской воле. Обычно будущие муж и жена сами выбирают друг друга».

Очень торжественно обставляется прибытие жениха в дом невесты: за оркестром национальных инструментов в паланкине несут жениха, увитого гирляндами живых цветов, за ним следуют его родственники и друзья. Те, кто побогаче, едут верхом на лошади или даже на слоне.

Крестьяне победнее и сейчас не могут позволить себе такой свадьбы, они отмечают это событие в сельском храме, где может располагаться всякий, кто хочет.

На свадьбу все принарядились и разукрасились в полном смысле этого слова: красивые наряды, у женщин в волосах живые цветы, руки унизаны множеством металлических и стеклянных браслетов, в ушах увесистые серьги, даже к носу припилены маленькие светлые шарики, подошвы босых ног (на юге и весьма состоятельные индийцы в деревне, а то и в городе зачастую обходятся без обуви) окрашены красной краской. Повсюду на земле женщина хочет выглядеть возможно выигрышной. Только индийские вдовы не могут позволить себе этого. Религия запрещает им вторично выходить замуж и носить яркие наряды даже по праздникам. На лбу у мужчин подновленные для торжественного случая символические знаки, белые, желтые, иногда красные; вертикальные линии у вишнуитов, горизонтальные — у шиваитов, приверженцев двух основных сект индуистской религии. У женщин на лбу красная «тика» — пятнышко в форме упавшей сверху капли; это не кастовый знак и не религиозный символ, а просто украшение.

Здесь, на свадьбе — представители разных религий и многочисленных сект и подсект индуизма. И это очень знаменательно для страны с такой древней религиозной традицией. Строительство новой жизни здесь будет значительно облегчено, если удастся преодолеть косность религиозных догматов.

Солнце склонилось к закату, и гости стали расходиться: рабочий день индийского крестьянина начинается, едва забрезжит рассвет. Отведав изделия национальной кулинарии — весьма своеобразные и достаточно острые, — мы пожелали счастливой паре всяческих радостей и благополучия, поблагодарили за гостеприимство и отправились в путь.

Непроглядный мрак наступает здесь тотчас же, как исчезнет последний солнечный луч. Свет автомобильных фар далеко просматривает безлюдную дорогу. Каждый молча восстанавливает в памяти этот богатый впечатлениями день. Мы видели восход новой жизни на родине одной из многих народностей Индии — тамилев.